

С.А. Губанов\*

## СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ЭПИТЕТНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М.ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматриваются структурные типы эпитетных комплексов, используемые в творчестве Мариной Цветаевой; обращается внимание на особенности семантического наполнения эпифраз различной структуры.

*Ключевые слова и фразы:* эпитет, эпитетный комплекс, эпифраза, Марина Цветаева, идиолект, структурный тип эпитета.

В данной статье описываются структурные типы эпитетных комплексов, зафиксированные в поэтических и прозаических (автобиографических) текстах М. Цветаевой. Известный синкретизм цветаевского прилагательного, особое внимание поэта именно к признаковым именам делает исследование эпитетов и эпитетных комплексов особенно актуальным для уяснения специфики идиолекта, идиостиля, поэтического сознания М. Цветаевой.

Эпитет понимается нами предельно широко: в его функции могут выступать не только прилагательные, но и наречия, слова категории состояния, причастия, деепричастия, некоторые разряды местоимений, субстантивы, то есть слова признаковой семантики в широком смысле. Эпитеты рассматриваются в составе эпифразы, то есть выражения, включающего в себя эпитет (атрибуט) и определяемое слово, а также эпитетного комплекса – объединения нескольких эпифраз на основании их лексико-семантической общности (совокупность эпитетов вместе с определяемым ими словом, объединения нескольких субстантивов, определяемых общим (повторяющимся) эпитетом, и т.д.).

Количественно-структурная характеристика эпитетов учитывает количество определений, употребленных в рамках одного эпитетного комплекса. В данный аспект таксономии эпитетов входит учет так называемых цепочек эпитетов. Несколько образных определений, «дополняющих друг друга» [1. С. 69] и дающих «разностороннюю характеристику объекта» [2. С. 161], образуют сложный эпитет, или цепочку эпитетов. Своеобразный «сгусток» прилагатель-

---

\* © Губанов С.А., 2008

Губанов Сергей Анатольевич (gubanovs@rambler.ru), кафедра русского языка Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ных в функции эпитета называет сложную конфигурацию свойств явления, личности через нестойкие сложно-ситуативные образования адъективного типа. Назначением сложного адъектива является, по выражению В.А. Тырыгиной, обеспечение «смыслового прорыва», высокая степень эвристичности высказывания [3].

Структурная типология эпитетов активно разрабатывается современными лингвистами, эпитетологами, выявляются экспрессивные и образные потенции сложных и составных адъективов [5]. Несмотря на это, тем не менее, не разработано непротиворечивой типологии эпитетов, исходя из их структуры (В.Глушкова выделяет в составе структурных разновидностей составного эпитета сложные многокорневые определения, сложные эпитеты с первым компонентом числительным, сложные эпитеты с первым компонентом «само» и т.д.) [5]. Считаем более точным описание не отдельно взятых эпитетов, а эпитетных комплексов составной структуры, поскольку это дает возможность проанализировать трансформации значения эпитета (эпитетов) и определяемого (определяемых) слова (слов).

Как показало проведенное исследование, осложненные варианты эпифразы (эпитетные комплексы) занимают значительное место в текстах М. Цветаевой. Расширение эпифразы до рамок эпитетного комплекса происходит по следующим линиям: расширение эпитета за счет грамматически зависимых от него слов; удлинение эпитетного ряда за счет нанизывания эпитетов (формирование двух-, трех-, четырехлексемной цепочки эпитетов); повтор эпитета при одном определяемом слове и при разных определяемых словах. В последнем случае эпифраза «перерастает» в эпитетный комплекс, объединяющий несколько эпифраз с разными определяемыми словами.

В статье рассмотрим основные типы построения составного эпитетного комплекса.

1. Расширение эпитета за счет грамматически зависимых от него слов, в том числе сравнительным оборотом, в составе эпитетного комплекса (62% от общего числа составных по структуре эпитетных комплексов).

2. Удлинение эпитетного ряда за счет нанизывания эпитетов (18%):

а) «парное» объединение эпитетов в составе эпитетного комплекса (11%);

б) цепочечный эпитетный комплекс (7%).

3. Повтор эпитета при одном определяемом слове и при разных определяемых словах (11%).

4. «Блочный» эпитетный комплекс (9%) (стоит особняком за счет специфической конфигурации компонентов эпифразы).

Рассмотрим данные структурные разновидности эпитета в творчестве М. Цветаевой.

1. Расширение эпитета за счет грамматически зависимых от него слов, в том числе сравнительным оборотом, в составе эпитетного комплекса (166 эпитетных комплексов, из них 87 единиц со сравнительным оборотом).

Распространение эпитета в составе эпитетного комплекса находит свое грамматическое выражение главным образом в причастных и сравнительных оборотах. Проиллюстрируем использование причастного оборота, ситуативно или логически разворачивающего, конкретизирующего признак:

Его стихи нас из стихов выталкивают, как белый день с постели сна. Он именно тот белый день, **не терпящий ничего скрытого** (о стихах В. Маяковского) [6. Т. 5. С. 66]; Так самочувственно-знаком // Лоб, **прячущийся под плащом // Плюща, сростающийся с ним, // Смущающийся быть большим** [6. Т. 1. С. 309].

В цветаевском идиолекте продуктивной моделью распространения эпитета является его обогащение сравнительным оборотом. Эпитетные комплексы, построенные по модели «слово признаковой семантики + как + субстантив», являются одним из проблемных участков эпитетологии в современной лингвистике. Некоторые ученые не считают данные конструкции эпитетами и относят их к сравнениям (Ахманова, Жирмунский, Томашевский), другие называют их приаждективными определениями (Шенделева). Нами эпитет в сочетании со сравнительным оборотом понимается как разновидность составного эпитетного комплекса распространенного типа.

На материале лирического творчества отечественных поэтов второй половины XX века данный тип эпитета описала в своей диссертации Н.С. Маниева, обозначив его как «предикативно-определяющее употребление полных и кратких прилагательных-эпитетов в сочетании со сравнительными конструкциями» [5]. В.Г. Глушкова говорит о «прикомпаративном» эпитете как о фразовом, основной функцией которого является усиление эмоционального воздействия за счет употребления сравнения с привлечением «образа адресата» [5]. Последняя мысль очень важна, поскольку в сравнительных оборотах, входящих в состав эпитетного комплекса, просматривается обращение автора к интеллектуально-эмоциональному миру личности, к эрудиции воспринимающего. Необходимо лишь добавить: использование «фразового» эпитета (а точнее, эпитетного комплекса) означает не только нацеленность на адресата, но и передачу своего взгляда на объект. «Фразовый эпитет» не просто по структуре представляет собой фразовое единство, но и имеет сложное значение дискурсивного характера.

Факты употребления рассматриваемой конфигурации эпитетов в цветаевских текстах представлены окказиональными эпифразами компаративного типа.

Колдунья **лукава**, как зверь [6. Т. 1. С. 33]; И вы как все **любезно-средни** [6. Т. 1. С. 25]; **Неразгаданный** взгляд, на рыдание скрипки похожий [6. Т. 1. С. 132]; В этой **грустной** душе ты бродил, как в незапертом доме... [6. Т. 1. С. 85]; **Терпеливо**, как щепень бьют // **Терпеливо**, как смерти ждут, // **Терпеливо**, как вести зреют, // **Терпеливо**, как месть лелеют // Буду ждать тебя [6. Т. 2. С. 180]; Тянулись **гибкие** цветы, как **зачарованные** змеи

[6. Т. 1. С. 22]; С умом **пронзительным**, как лед [6. Т. 3. С. 14]; Мне... было с Вами **хорошо, как во сне** [6. Т. 6. С. 30]; Холод **статен**, как я сама [6. Т. 1. С. 434].

Главная функция эпитетных комплексов, содержащих сравнительный оборот, – уточнение признака, придание ему максимально точной локализации проявления. Эпитеты не просто сравнивают и частично уравнивают денотаты, но и привносят новый оттенок значения. Например, наделение холода в последнем примере типично человеческим признаком – *статен* – рождает неоднозначный образ и холода, и состояния самой лирической героини. Возможно, речь идет о непреклонности, а потому продолжительности холода, а возможно, и о проникающей способности холода (по всей спине, по всему телу). Роль признака вкупе с компаративным оборотом важна при создании антропоцентрической картины мира художника.

В одном из вышеприведенных контекстов ум сравнивается со льдом, что свидетельствует об опоре поэта на когнитивную метафору в рамках эпитетного комплекса (абстракция «ум» и конкретное вещество «лед» уподобляются друг другу). Проникновение обжигающего льда, его восприятие человеческим телом сравнивается со способностью ума мыслить беспристрастно, холодно (как лед). С другой стороны, данные денотаты сравниваются по линии проникающей способности, силы воздействия ума и льда. Фраза может быть прочитана и как контаминация выражений *холодный ум* и *пронзительная мысль*.

## 2. Удлинение эпитетного ряда за счет нанизывания эпитетов (18%):

А. «Парное» объединение эпитетов в составе эпитетного комплекса (59 единиц).

«Парный» эпитет описывается лингвистами в качестве способа конструирования сложного образа на примере творчества поэтов второй половины XX века, анализа же роли парного эпитета в идиостиле конкретного писателя пока нет. Парный эпитет интересен прежде всего выявлением того, какие признаки объединяются в составе эпифразы, каков художественный эффект от столкновения различных по семантическому наполнению лексем.

«Парный» эпитет в составе эпитетного комплекса в цветаевских текстах употребляется достаточно часто с целью создания объемного образа реалии; основной его функцией является подчеркивание в объекте двух одинаково важных признаков. Приведем примеры «парного» эпитета.

*За их корень, гнилой и шаткий*, // С колыбели растящий рану (о богатых людях) [6. Т. 1. С. 265]; *Извилина неярких губ // Капризна и слаба* [6. Т. 1. С. 71] *Скоро месяц, юн и тонок*, // Сменит алую зарю [6. Т. 1. С. 70]; *И синий взгляд, пронзителен и робок...* [6. Т. 1. С. 313]; *Мой день беспутен и нелеп* [6. Т. 1. С. 413]; *Взгляд – до – взгляда – смел и светел* [6. Т. 1. С. 74]; *Тот же реч произнесем: Всех румяней и смуглее // До сих пор на свете всем* [6. Т. 1. С. 272]. В последнем примере перед нами трансформация сказочного оборота «всех румяней и белее» (А.С. Пушкин).

В составе «парного» эпитета, соединенного союзом «и», могут находиться определения, близкие по значению либо называющие соположенные признаки, чему способствует соединительная семантика союза (указание на исчерпанность перечня признаков реалии). Если в некоторых случаях семантическое сближение налицо (*шаткий и гнилой* или *юн и тонок*), то в других оно диктуется авторским восприятием, оценкой (эпитеты *пронзителен* и *робок* семантически далеки, но в эпитафизме их сближает то, что взгляд воспринимается лирической героиней ситуативно: подчеркивается и момент непосредственного зрительного контакта, и общее свойство глаз). Первый эпитет в составе «парного» адектива осознается как более важный, второй высвечивает дополнительные признаки, во многом индивидуально привнесенные, поэтому нередки авторские неожиданные эпитеты. Так, извилина губ может быть одновременно *капризной* (основная психологическая характеристика объекта) и *слабой*.

Б. Цепочечный эпитетный комплекс (33 единицы).

Вилка, или цепочка эпитетов, употребляемая по отношению к одному определяемому слову, – часто используемый стилистический прием М. Цветаевой. Присутствие третьего компонента максимально расширяет возможности индивидуальной характеристики предмета.

*Дразнит заманчиво-новый, волнующий взгляд* [6. Т. 1. С. 93]; *Вспоминая о вас на пирующем, бурно-могучем костре* [6. Т. 1. С. 19].

В приведенных примерах эпитет условно может быть назван трехкомпонентным, поскольку один из адективов представляет собой сложное наименование признака: *заманчивой, новой, волнующей*; но и *заманчиво-новой* (наречие и адектив) и *волнующей*.

Такое объединение эпитетов представлено в 5 % примеров от общего количества эпитетов, зафиксированных нами. Противоречивость души поэта и внешнего мира отражается в использовании «строенных» эпитетов: *Все красавицы земной страны одинаково-невинно-неверны* [6. Т. 1. С. 329].

Семантический потенциал употребления развернутого цепочечного эпитета очень богат. Используя составные эпитеты, создавая синтаксическую амплификацию, М. Цветаева добивается структурной и смысловой целостности текста.

Амплификация, нагромождение, нагнетание эпитетов используется М. Цветаевой в функции нарушения ожиданий получателя поэтического послания, читателя: *Самое любимое из страшных, самое по-родному страшное и по-страшному родное были – «Бесы»* [6. Т. 4. С. 365]. Многообразно – в форме трех разных распространенных эпитетов *любимое – страшное – родное* с акцентировкой высокой степени этих признаков (в двух случаях посредством превосходной степени *самое любимое, самое страшное*, в третьем случае через степенное наречие *по-страшному родное*) – с разных сторон характеризуется определяемое – роман «Бесы». Использование не только цепочки (трех) эпитетов, но и развертывание каждого из эпитетов (введение в его состав зави-

симых слов, которые обозначают высшую степень качества и указывают на характер этих качеств) дает автору возможность многократного лексического повтора наиболее актуальных смыслов в составе эпитетного комплекса: *из страшных – самое страшное – по-страшному; по-родному – самое родное*.

Произведение Ф.М. Достоевского оценивается неоднозначно, предельно противоречиво: это и страшная книга, и родная, своя: оксюморонные сочетания эпитетов передают сложное восприятие романа. Сходная логика употребления цепочки эпитетов наблюдается и в эпифразе: *Маленькое, огромное, совсем черное, совсем невидное – море* [6. Т. 4. С. 370].

Антонимичные смыслы передаются эпитетами при опущенном определяемом: *Дело в роде Гончаровых, давшем России одну Гончарову, взявшую, другую – давшую. Одну – Россию омрачившую, другую – возвеселившую* [6. Т. 4. С. 89].

О книге А.С. Пушкина М. Цветаева пишет: *После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин – уже не краденый, а дареный, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий – обезвреженный, прирученный Пушкин...* [6. Т. 4. С. 354]. В рамках данного эпитетного комплекса представлена вся автобиографическая ситуация знакомства поэта с творчеством и книгами А.С.Пушкина: описывается не просто книга, а ситуация интимного «присвоения» творчества великого поэта, осознание его как части своей жизни: противопоставленные эпитеты с союзом «а» отражают новую ситуацию обладания книгами А.Пушкина – *не краденый, а дареный, не тайный, а явный*; причем присвоение происходит по зооморфной логике: творчество приручается (*прирученный*), «обезвреживается» от всего усложненного (*обезвреженный*). Эпитеты выполняют функцию выражения предельно ситуативных признаков; составляя цепочку, они разворачивают, «раскручивают» всю пропозицию, конкретизируя, раскрывая семантику эпитета «другой».

Интересна авторская интерпретация окказионально употребленного эпитета «беспутный»: *Беспутный – ты, Бальмонт, и беспутная – я, все поэты беспутны, – своими путями ходят* [6. Т. 4. С. 6]. В данном случае одно прилагательное – «беспутный» – объединяет три эпифразы, причем объединение признаков происходит по авторской логике, которая эксплицируется в авторской этимологии эпитета; повторение прилагательного служит средством подчеркивания цветаевского толкования эпитета.

Рассмотрим две эпифразы, в которых составной эпитет выполняет экспрессивную функцию:

*Песня...завершена и совершенна – и никому ничем не обязана* [6. Т. 7. С. 377]; *...нет стихов без чар (не очарованы, а чарованы)* [6. Т. 7. С. 557].

В первой эпифразе «парные» эпитеты сближены этимологически и семантически (*завершена и совершенна*); третий эпитет развивает заданную семантическую линию характеристики имени «песня» путем антропоморфизации:

песня никому ничем *не обязана*. Второй контекст отражает поэтический поиск слова М.Цветаевой: привычное слово *очарованы* отвергается как несовершенное, вместо него через противопоставление вводится авторский эпитет *чарованы*, что прямо выражает значение «с чарами», тогда как слово с приставкой *о-* затемняет «родство» с «чарами». На этом основании семантически и этимологически близкие прилагательные автором противопоставляются с целью акцентировки семантически и экспрессивно значимого признака.

В приведенных выше контекстах поэт оживляет внутреннюю форму слова через сопоставление лексемы с однокоренными словами.

3. Повтор эпитета при одном определяемом слове и при разных определяемых словах (56 единиц).

Повтор одной и той же лексической единицы в контактной позиции, или геминация, призван подчеркнуть смысловую значимость данного языкового элемента, его дискурсивный вес.

Повтор эпитетов в творчестве М.Цветаевой пока исследован недостаточно полно: изучались лишь словообразовательные и синтаксические геминации. Наш материал позволяет выделить две основные разновидности эпитетного комплекса, построенного на повторе эпитета, – повтор эпитета при одном и при нескольких разных определяемых существительных.

А. Повтор эпитета при одном определяемом субстантиве в рамках одной эпифразы.

*Мы с тобой неразрывные, // Неразрывные враги* [б. Т. 1. С. 367]; *Измена – ... ножеевое, ножеевое* [слово] [б. Т. 6. С. 245]; *Привычные к степям – глаза, // Привычные к слезам – глаза* [б. Т. 1. С. 243].

В первом примере эпитет *неразрывные* в сочетании с антонимичным по значению определяемым словом *враги* рождает сложное значение оксюморонного типа «друзья и в то же время враги» либо «враги/антиподы, связанные крепкими узами». Этот сложный и необычный смысл возникает лишь после восприятия всего эпитетного комплекса *неразрывные враги*. Повтор эпитета *неразрывные* в составе эпитетного комплекса (*неразрывные, неразрывные враги*) усиливает экспрессивный эффект: эпитет *неразрывные*, обладающий узкой сочетаемостью, актуализирует в сознании ассоциации с лексемами *друзья, возлюбленные, близкие* и под., появление в качестве определяемого слова *враги* производит эффект обманутого ожидания, а повтор эпитета усиливает экспрессивный эффект.

В других контекстах повтор слова-эпитета выполняет функции сближения разноплановых понятий (*привычные к степям и к слезам*).

Повторяющиеся эпитеты представлены в большинстве случаев двумя прилагательными, но встречается объединение трех и четырех эпитетов (8 эпитетных комплексов). Увеличение цепочки повторяющихся эпитетов обычно способствует выражению интенсивности признака, в приведенном ниже примере признака длительности – пространственной и временной:

*Длинный, длинный, длинный, длинный // Путь* [6. Т. 3. С. 146].

Б. Повтор эпитета в составе различных эпитетов, т.е. при разных определяемых словах (всегда контактный).

В составе двух контактных эпитетов (эпитетов с разными определяемыми словами) многократное употребление одной лексемы-эпитета способствует, как уже отмечалось, сближению различных понятий – роль эпитета в таких случаях первостепенна.

*О первая ревность, о первый яд* [6. Т. 2. С. 20]; *О первое солнце над первым лбом* [6. Т. 2. С. 20]; *Древняя тщица течет по жилам, // Древняя мечта: уехать с милым* [6. Т. 2. С. 232]; *В маленьком городе, // Где вечные сумерки // И вечные колокола.* [6. Т. 1. С. 355]; *Последние стихи на последних икурах у последних каминов* [6. Т. 4. С. 292]; *Высшая степень душевной разъятости и высшая – собранности. Высшая – страдательности и высшая – действительности* [6. Т. 5. С. 348]; *...у нее твердый кров, твердый хлеб, твердый угол, а у меня все это – в воздухе* [6. Т. 6. С. 691].

Приведенные выше примеры объединены лишь структурно: один и тот же эпитет сочетается с разными определяемыми, но семантически данные эпитетные комплексы очень многообразны. Так, в первых двух контекстах перед нами синонимические отношения между компонентами эпитетного комплекса, определяемыми субстантивами (*ревность – яд; тщица – мечта*); в третьем и четвертом примерах эпитет объединяет в рамках высказывания компоненты одной ситуации (*сумерки и колокола; стихи на икурах у каминов*); в пятом и шестом случаях перед нами парцелированные конструкции, объединяющие противоположные смыслы (*разъятость – собранность, страдательность – действительность и твердый – в воздухе*).

Неоднократный повтор одного и того же эпитета передает высшую степень проявления признака. Будучи поэтом предельности, М. Цветаева все переживает в высокой степени: страдая в «душевной разъятости», в стремлении жить, несмотря ни на что (высшая степень собранности, действительности).

Нанизывание похожих по форме или дублетных прилагательных используется в усилительной функции: последующие эпитеты усиливают ассоциативные семантические связи, смысловые впечатления от предыдущего эпитета.

*Леня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья* [6. Т. 4. С. 268].

Семантическая близость эпитетов подкрепляется в данном случае не только контактным их употреблением, но и связью с фразеологизмом *не разлей вода*.

4. «Блочный» эпитетный комплекс (46 единиц).

Данный тип эпитетного комплекса стоит в намеченной классификации эпитетов сложной структуры особняком и выделяется нами с целью полного описания многообразия состава эпитетов в цветаевском идиолекте. Наличие блока эпитетов, его регулярное конструирование составляет специфическую черту идиостиля поэта.



Блочный эпитетный комплекс – это стилизованный под фольклорную эпифразу единый лексико-синтаксический блок, выступающий в функции определения какого-либо объекта или лица и дающий многоаспектную характеристику предмету/лицу. Компоненты блока характеризуются фразеологичностью семантики составляющих компонентов словосочетания, их тесной спаянностью. Наиболее часто употребление блочного эпитетного комплекса в фольклорном цикле М. Цветаевой (поэмы «Царь-Деввица», «Егорушка» и др.).

*А сугробы подаются, // Скоро расставаться. // Прощай, **вьюг-твоих-приятство**, // Воркотов – приятство* [б. Т. 2. С. 267]. Такие эпифразы графически фиксируются посредством дефиса, подтверждая тем самым единое значение компонентов.

Атрибутизация может опираться и на обозначения действий, состояний, тогда органичным является включение в блочный эпитетный комплекс глагола: *Каторжник **койку-обрел-тепльнь**. // Пасынок к матери в дом – аминь* [б. Т. 3. С. 458].

Это явление цветаевского идиолекта описано многими цветаеводами в рамках поэтического окказионализма – нам же представляется важным подчеркнуть эпифрастичность таких выражений.

Для творческого почерка М. Цветаевой характерно построение сложных эпитетных комплексов, в составе которых могут быть различные конфигурации эпитетов и определяемых слов, а также использование большого количества определений (двух, трех и более) при одном определяемом слове. Подчеркнем стремление автора к построению эпитетных комплексов, представляющих необычные семантико-экспрессивные конфигурации, к неожиданным соединениям компонентов «блочных» эпитетных комплексов, что определяет осложненность, неоднозначность их поэтической семантики. Причем такое осложнение текста лексемами признаковой семантики зафиксировано нами как в поэтических, так и в прозаических (автобиографических) текстах М. Цветаевой, что свидетельствует о единстве идиостилевых особенностей. Все структурные типы эпитетных комплексов, рассмотренные в статье, обретают значимость для выявления специфики идиолекта М. Цветаевой с учетом семантических приращений в составе эпитета, эпифразы или эпитетного комплекса, что позволяет говорить об актуальности структурно-семантической типологии эпитетов. Многообразие структурных типов эпитетных комплексов дает возможность художнику слова нестандартно выразить необходимый ситуативный смысл, экспрессивно охарактеризовать предмет или ситуацию.

**Библиографический список**

1. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
2. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1974. – 279 с.
3. Тырыгина, В.А. Эпитет и жанр / В.А. Тырыгина. – М.: Прометей, 2000. – 228 с.
4. Москвин, В.П. Эпитет в художественной речи / В.П. Москвин // Русская речь. – 2001. – №4. – С. 28–34.
5. Глушкова, В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есенина: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Глушкова Валентина Геннадьевна. – Белгород, 2000. – 23 с.
6. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева; [вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина]. – М.: Эллис – Лак, 1994.

**S.A. Gubanov**

**THE STRUCTURAL TYPES OF EPITHETS COMPLEXES  
IN POETRY OF MARINA TCSVETAEVA**

The paper is devoted to the structural types of epithets complexes in poetry of Marina Tsvetaeva and semantic features of epithets in the epiphrase.

**Keywords and phrases:** *epithet, epithet complex, epiphrase, Marina Tsvetaeva, structured type of epithet.*

Статья принята в печать в окончательном варианте 15.05.08 г.